

УДК 82-9

doi.org/10.36906/2500-1795/24-1/06

Лесевицкий А.В.

**«РАСКОЛОТОЕ Я» КЛИМА САМГИНА:
ИССЛЕДОВАНИЕ ПОЛИФОНИЧЕСКОГО И МОНОЛОГИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРОВ**

Аннотация. В исследовании рассматривается психологический портрет главного персонажа романа «Жизнь Клима Самгина» сквозь аналитическую теорию шизоидной акцентуации личности А. Лоуэна и Р. Лэнга. В статье проанализировано детство персонажа, оказавшее определяющее воздействие на специфические черты Самгина. Автор описывает феномен шизоидного отчуждения героя книги, его амбивалентно-полифонический диалог с самим собой, обусловленный спецификой его внутреннего мира. Клим крайне отчетливо осознает раскол его личности на несколько несочетаемых характерологических радикалов, тотально противопоставленных друг другу. По мнению автора, «полифонический характер» можно позиционировать как синтез разнонаправленных волевых импульсов в деструктивном сознании главного героя романа, в котором «социальный абсентеизм» противостоит деятельности, «революционные идеи» противостоят консерватизму и т.д. По мнению исследователя, социальный аутизм персонажа таит в себе не только весьма негативные и катастрофические последствия, но и сокрытую возможность найти свое подлинное бытие. Благодаря подобной самоизоляции у Самгина появляется возможность сохранить свои аутентичные черты, избежать тотального обезличивающего влияния социальной системы, которая способна подвергнуть его внутренний мир «хаотическому небытию». Компаративистское сопоставление личностей Самгина и рабочего Кутузова позволяет сделать парадоксальный вывод, что главный герой произведения А.М. Горького гораздо ближе к познанию своего бездонного внутреннего мира, чем «большевик-ленинец», весьма ограниченный социальным диктатом «демократического централизма». В исследовании поднимается вопрос компаративистского соотношения разных типов характеров. На наш взгляд, «монологический характер» – это разновидность характерологической мозаики, в которой тотально отсутствует «раскол сознания» на несколько субличностей, объединенных в одном теле. По нашему мнению, данный характер наиболее рельефно запечатлен в образе купчихи Марины Зотовой. В отличие от Самгина, она не поглощена «экзистенциальным гамлетизмом», полностью открыта миру, оптимистична, преодолела «социальный абсентеизм».

Ключевые слова: монологический характер; экзистенциализм; социальное отчуждение; полифонический характер; шизоидная акцентуация; философия безумия

Сведения об авторе: Лесевицкий Алексей Владимирович, преподаватель кафедры общеобразовательных и гуманитарно-социальных дисциплин Пермского филиала Финуниверситета, ORCID 0000-0002-4724-1376.

Контактная информация: 614077, Пермский край, г. Пермь, б-р Гагарина, д. 50; тел. (342) 282-06-78; e-mail: lesev100@mail.ru

A. V. Lesevitsky

**“THE SPLIT SELF” BY KLIM SAMGIN:
THE ESSENCE OF POLYPHONIC AND MONOLOGICAL CHARACTERS**

Annotation. The study examines the psychological portrait of the main character of the novel “The Life of Klim Samgin” through the analytical theory of schizoid personality accentuation by A. Lowen and R. Lang. The article analyzes the character's childhood, which had a decisive influence on Samghin's specific traits. The author describes the phenomenon of schizoid alienation of the book's hero, his ambivalent-polyphonic dialogue with himself, due to the specifics of his inner world. Klim is extremely clearly aware of the split of his personality into several incompatible characterological radicals, totally opposed to each other. According to the author, «polyphonic character» can be positioned as a synthesis of multidirectional volitional impulses in the destructive consciousness of the protagonist of the novel, in which «social absenteeism» is opposed to activity, «revolutionary ideas» are opposed to conservatism, etc. According to the researcher, the character's social autism is fraught with not only very negative and catastrophic consequences, but also a hidden opportunity to find one's true being. Thanks to such self-isolation, Samghin has the opportunity to preserve his authentic features, to avoid the total depersonalizing influence of the social system, which is capable of subjecting his inner world to «chaotic non-existence». A comparative comparison of the personalities of Samgin and the worker Kutuzov allows us to draw a paradoxical conclusion that the main character of the work A.M. Gorky is much closer to understanding his bottomless inner world than the “Bolshevik-Leninist”, very limited by the social dictates of «democratic centralism». The study raises the question of the comparative relationship between different types of characters. In our opinion, «monological character» is a type of characterological mosaic in which there is a total absence of a «split of consciousness» into several subpersonalities united in one body. In our opinion, this character is most clearly captured in the image of the merchant Marina Zotova. Unlike Samghin, she is not absorbed in «existential Hamletism», she is completely open to the world, optimistic, and has overcome «social absenteeism».

Key words: monologue character; existentialism; social exclusion; polyphonic character; schizoid accentuation; philosophy of madness

About the author: Alexey Vladimirovich Lesevitsky, teacher of the department of general education and humanities and social disciplines of the Perm branch of the Financial University, ORCID 0000-0002-4724-1376.

Contact information: 614077, Perm region, Perm, Gagarin Blvd., 50; tel. (342) 282-06-78; e-mail: lesev100@mail.ru

Лесевицкий А.В. «Расколотовое я» Клима Самгина: исследование полифонического и монологического характеров // Нижневартковский филологический вестник. 2024. №1. С. 55-69. <https://doi.org/10.36906/2500-1795/24-1/06>

Lesevitsky, A.V. (2024). "The Split Self" by Klim Samgin: The Essence of Polyphonic and Monological Characters. *Nizhnevartovsk Philological Bulletin*, (1), 55-69. (in Russian). <https://doi.org/10.36906/2500-1795/24-1/06>

Роман великого русского художника слова А.М. Горького «Жизнь Клима Самгина» стоит несколько особняком в огромной веренице произведений «социалистического реализма» первых двух десятилетий советской власти. Прежде всего, это обусловлено той проблематикой, которую столь глубоко исследует в своей книге писатель-экзистенциалист. Безусловно, произведение «Жизнь Клима Самгина» не походит на роман, написанный по «клише» соцреализма, своим психологизмом, поразительно точным изображением героев с разнообразными душевными и моральными недугами, рельефным отображением бездонного внутреннего мира героев, на которых практически не оказывает влияние социальная среда. Нам представляется, что образ Клима Самгина уникален именно в рамках советской литературы, т. к. главный герой произведения не может быть полновесным строителем нового коммунистического общества, ибо им сознательно избрана тактика «социального абсентеизма», шизоидного ухода от реальности во внутренний океан «амбивалентного гамлетизма». Существует справедливое мнение, что в XIX веке Достоевский мастерски отражал в своем творчестве героев с самыми разнообразными психическими заболеваниями: неврастенией, паранойей, эпилепсией, шизофренией и пр. (Ефремов 2006; Ефремов 2008; Кузнецов, Лебедев 1994). Однако в XX веке в русской литературе, на наш взгляд, данную парадигму блестяще продолжил А.М. Горький, показав в своем романе-завещании целое многоцветие героев с самыми многообразными «психопатологическими состояниями». Стоит заметить, что в книгах писателей-экзистенциалистов Ж.-П. Сартра, А. Камю уже после А.М. Горького стало «модным» отображать главного героя, находящегося в состоянии «расколотового Я» (Р. Лэнг), пребывающего в состоянии шизоидного разобщения внутреннего мира личности, извечного амбивалентного диалога с самим собой. Осознавая эту специфику описания внутреннего мира человека в философии экзистенциализма, видный польский психолог А. Кемпинский в своей статье «За и против экзистенциальной психиатрии» отметил: «Второй упрек связан с первым и адресован непосредственно к философии экзистенциализма. Здесь снова речь – о месте человека в мире. Образ одинокого человека в непонятном, часто враждебном мире, человека, конечным исходом которого является смерть, может быть и является философски озадачивающим образом и в определенных условиях, особенно в условиях современной западной цивилизации правильным, но разве таким образом человека может пользоваться психиатр в своей повседневной практике?

Возможно, что такой образ ближе – в определенном смысле – миру шизофреника (может поэтому особенно пронизательны экзистенциальные анализы некоторых шизофренических переживаний)» (Кемпински 1998: 178).

Безусловно, подобным героем со сложным внутриличностным конфликтом является Клим Самгин – персонаж с шизоидной акцентуацией характера. Стоит заметить, что А.М. Горький филигранно описывает специфические черты людей с подобной персоналистической особенностью, по этой причине русского литератора, вслед за Ф.М. Достоевским, можно назвать великим знатоком души человеческой.

По нашему мнению, на формирование весьма неординарного внутреннего мира главного героя во многом определяющее влияние оказало его детство и особенности семейного воспитания.

3. Фрейд считал, что период взросления оказывает тотальное воздействие на формирование психологического мира человека. Мы всецело поддерживаем данный тезис, но будем рассматривать данную проблему не из рамок «эдипового комплекса и комплекса Электры», но исходя из других психологических концептов. По мнению О.Н. Кузнецова и В.И. Лебедева, на продуцирование шизоидных качеств личности оказывает мощное воздействие искусственная и естественная изоляция человека от социальных коллективов, родителей и близких, помогающих индивиду безболезненно социализироваться в рамках общества, а также сохранить психическое здоровье. Социальное отчуждение – это путь к расстройству личности: «Большой интерес представляют работы Д. Мюллера-Хегемана, который изучал психопатологические картины, возникающие при относительной социальной изолированности с окружающими. Эти случаи становились особенно конфликтными, когда оказывались “поколебленными или в большей мере уничтоженными семейные и другие привычные взаимоотношения” в результате чего в какой-то мере возникала “социальная изоляция”» (Кузнецов, Лебедев 1972: 29).

По нашему мнению, само взросление Самгина в довольно специфических условиях повлияло на индивидуально-личностные черты главного героя романа. Изначальная неверная позиция родителей Клина сформировала в нем своеобразную «манию величия». Герою с раннего детства твердили, что он уникален, является личностью с выдающимися способностями, а потому должен общаться только с равными себе. Но где их взять? Благодаря проекции родителей, другие дети в сравнении с ним казались Самгину примитивными «одномерными» существами. Отсюда тотальное одиночество персонажа, продуцирующее шизоидные, а впоследствии, вероятно, латентные шизофренические черты главного героя. Стоит отметить, что семья, в которой рос персонаж романа, была специфически-отчужденной, в ней рельефно ощущался распад внутренних и внешних межличностных связей: «Клим растет в эмоционально холодном доме – это приводит к тому, что ребенок начинает воспринимать самых близких ему людей как совершенно чужих» (Гавриш 2018: 43). Самгин существует в обстановке лицемерия и лжи, двойной морали и несовпадения между реальностью и её отражением в сознании взрослых. Например, мать

Клима изменяет отцу с любовником, но убеждает главного героя, что все подозрения сына беспочвенны, что это все «ему кажется». Именно в детстве в сознании Самгина осуществился своеобразный раскол на несколько субличностей, объединенных в одном теле. Клим был отчужден не только от «внешнего круга» – т. е. детей его возраста, но и от ближайших родственников. Например, своего отца и бабушки, а также своего старшего брата, с которым имел мало общего. Расколота на части семья порождала эндогенную деструкцию сознания главного героя, холодность и безразличное отчуждение от всего универсума. А.М. Горький блестяще показывает читателям, сколь велика мера этической ответственности родителей за психологическое здоровье своих детей. Кто знает, если бы Клим родился в другой семье, то, быть может, не приобрел черт шизоидной личности, балансирующей на грани безумия.

По нашему мнению, в Климе Самгине достаточно ярко проявились черты шизоидной личности, которые блестяще описал А.М. Горький в своём романе-завещании. В книге «Предательство тела» А. Лоуэн рассматривает основные признаки человека с подобной акцентуацией характера: «1. Уклонение от тесных взаимоотношений с людьми; застенчивость, уединенность, боязливость, чувство неполноценности. 2. Неспособность направленно выразить ненависть и агрессивные чувства – чувствительность к критике, подозрительность, потребность в поддержке, склонность отвергать или искажать. 3. Аутичное поведение – интровертность, чрезмерная мечтательность» (Лоуэн 2011: 28). Большинство вышеуказанных признаков можно отнести к структуре личности главного героя. В данном аспекте еще одним признаком исследуемой акцентуации является нарочитая холодность в общении с другими людьми, когда личность не испытывает чувства сопереживания другому человеку и соучастия в его судьбе. В аутичном сознании Самгина произошла удивительная метаморфоза: люди превратились в обезличенные объекты, вещи, утратили персоналистические черты. Разумеется, с вещами, лишенными человеческих качеств, можно поступать, как заблагорассудится, ибо они не чувствуют боли и всей драмы существования. А.М. Горький мастерски описывает эту нарочитую холодность Клима Самгина, что вызывает изумление у многих общающихся с ним людей. Купец Лютов прямолинейно заявляет персонажу: « – Ты хладнокровно, без сострадания ведешь какой-то подсчет страданиям людским, как математик, немец, бухгалтер, актив-пассив, и чёрт тебя возьми! <...> – Я, брат, не люблю тебя, нет! Интересный ты, а – не сим-па-ти-чен. И даже, может быть, ты больше выродок, чем я» (Горький 1979, т.12: 116). Но вся разгадка подобного неэмоционального и отчужденного отношения к другим личностям кроется в шизоидной акцентуации характера главного героя, столь блестяще описанного А.М. Пешковым. Самгин является героем, который просто не способен на проявление сильных эмоций и настоящих чувств. Отстраненно - холодный взгляд через пенсне – это далеко не только внешнее проявление образа Самгина, мастерски прорисованного А.М. Горьким, но экзистенциальная характеристика внутреннего мира Клима, шизоидного мира отчуждения и одиночества, в котором нет места другим.

В данном аспекте крайне примечателен его внешний облик, очень точно изображенный А.М. Горьким. В контексте наших размышлений любопытно проследить за описанием лица Самгина, когда главный герой книги смотрит на свое отражение в зеркале: «Он знал, что лицо – сухое, мимически бедное, малоподвижное, каковы почти всегда лица близоруких» (Там же. т.14: 220). Поражает крайне глубокое проникновение А.М. Горького в сущность физиогномических черт шизоидной личности. В книге «Предательство тела» А. Лоуэн отметил своеобразную мимическую маскообразность (малоподвижность) людей с подобной первоосновой души. Стоит заметить, что описание специфики фигуры и лица шизоида психологом вполне коррелирует с портретом Самгина из книги А.М. Горького: «Можно сказать, что лицо шизоида похоже на маску. На нем нет обычной игры чувств, оживляющей лицо здорового человека. Маски могут быть разными: растерянный клоун, невинное, наивное дитя, искушенный надменный аристократ» (Лоуэн 2011: 54). Мимически бедное, маскообразное, застывшее в скованности ригидных мышц лицо Самгина – реакция на страх, который порожден внешним миром, представляющим для человека подобной психологической организации латентную опасность. Пенсне Самгина – «метафизический шлюз», закрывающий его от психотравмирующего внешнего мира и реальности: «Помня об этом, легко понять шизоидную отдаленность и невовлеченность. Это – защита от ужаса» (Лоуэн 2011: 36). Реальность настолько психотравматична, что возникает необходимость отгородиться от нее, стать ее сторонним наблюдателем, бесчувственным фиксатором бытия, своеобразным «онтологическим бухгалтером».

Клим критически настроен ко всем людям, ни с кем не может наладить теплых дружеских отношений, а хочет крикнуть всем окружающим его безличностям: «Эй, вы! Я ничего не знаю, не понимаю, ни во что не верю и вот – говорю вам это честно! А все вы – притворяетесь верующими, вы – лжецы, лакеи простейших истин, которые вовсе и не истины, а – хлам, мусор, изломанная мебель, просиженные стулья» (Горький 1979, т.11: 371). Вследствие шизоидной конфликтности, Самгину не удастся выстроить длительных эмоционально значимых отношений ни с кем из персонажей произведения. Даже с женщинами, с которыми он встречается, не складывается теплых взаимоотношений, обо всех, включая жену, у главного героя довольно критическое мнение, все они его не устраивают, все имеют многочисленные изъяны. Однако в себе Клим не находит больших недостатков, считая себя «единственным», уникальной личностью: «Человека более интересного и значительного, чем сам он, Клим еще не встречал» (Горький 1979, т.12: 105). Его «дама сердца» Нехаева заслужила оценку психологически неуравновешенной личности, склонной к суициду, певица Дуняша – истеричная женщина, лишенная талантов и с «порочной профессией», даже супруга – человек, на которого было зря потрачено время. Он сравнивает её с «прочитанной книгой» и даже тайно мечтает задушить её. Но является ли подобное тотальное отчуждение трагедией Самгина?

С другой стороны, подобное социальное одиночество одновременно порождает возможность поиска главным героем своего Я. Клим более других персонажей способен

разобраться в своем сложном внутреннем мире, найти настоящее бытие в этой «адовой суматохе» предреволюционного общества России. А для этого и необходима некоторая социальная дистанция, устраняющая влияние других личностей: «В самом деле, присутствие Другого по ту сторону моей неоткрытой границы может служить мотивацией для моего нового постижения себя как свободной самости. В той степени, в какой я себя отрицаю в качестве Другого и в какой Другой обнаруживается вначале, он может обнаруживаться только как Другой, то есть как субъект по ту сторону моей границы, как то, что меня ограничивает. Действительно, ничто меня не может ограничить, за исключением Другого» (Сартр 2020: 524). Клим воздвиг метафизические «оборонительные сооружения», направленные против разрушения его аутентичного внутреннего мира, ибо другие могут подавить его самость, подвергнуть этот мир «хаотическому распаду». Сознательный социальный аутизм Самгина обусловлен страхом собственного исчезновения, полной ассимиляции с обществом и обезличенной средой, когда экзистенция личности трансформируется во всеобщее «хаотичное небытие»: «Суть этой тревоги заключается в том, что человек испытывает постоянный страх, что его личность и автономность будут поглощены в ходе взаимодействия другими, не важно, любят они его или ненавидят» (Летуновский 2014: 148). Герой осознает, что его психологической автономии грозит полное поглощение со стороны социума. С одной стороны, это величайшая трагедия Клина, ибо такое одиночество подобно социальной смерти. Но с другой стороны, в этой осознанной самоизоляции всегда есть потенциальность углубленного самоанализа и возможность сохранить свой аутентичный мир, который не будет разрушен вторгшимися извне Другими (в терминологии Ж.-П. Сартра). По мнению выдающегося антипсихиатра Р. Лэнга, шизоидный тип личности обладает и другими довольно специфическими качествами: «Более того, он переживает самого себя не в качестве цельной личности, а скорее в виде «раскола» всевозможными образами: вероятно, как разум, более или менее слабо связанный с телом, как два и более «я» и тому подобное» (Лэнг 1995: 7). А.М. Горький блестяще показывает персонажа, который мучительно переживает борьбу тезиса и антитезиса в его многомерном сознании, но она изматывает Клима, делает его заложником усиленного самоанализа. Сознание главного героя произведения пролетарского писателя мы можем назвать шизоидно-полифоническим: «Полифонический характер — одна из разновидностей характерологической мозаики, то есть сочетания в одной личности нескольких равноправных, но обычно несочетаемых характерологических радикалов, свойственная людям, страдающим прогрессивной, то есть вялотекущей, невротоподобной шизофренией, с отсутствием дефекта и слабо выраженным схизисом» (Руднев 2010: 48). Каким же образом Самгин описывает свое специфическое психологическое состояние вечного экзистенциального диалога с самим собой? Вялотекущее состояние шизоидной разобщенности внутреннего Я героя проявляется и в его бездеятельности, невозможности занять четкую позицию, осознанно избрать какую-либо сторону, проранжировать побуждающие мотивы по степени их важности, ибо все аргументы «за» и «против»

одинаково ценны и равнозначны. Стоит заметить, что Клим очень точно осознает раскол его гомогенного Я на несколько субличностей: «Я говорю о том, что наш разум, орган пирронизма, орган Фауста, критически исследующего мир, – насильственно превращали в орган веры. Но вера, извлеченная из логики, лишенная опоры в чувстве, ведет к расколу в человеке, внутреннему раздвоению его» (Горький 1979, т. 14: 293). Безусловно, в этом выступлении Самгин говорит о себе и своем внутреннем мире. Именно по причине наличия амбивалентного характера его политическую деятельность можно обозначить как манифестацию варианта консервативного революционизма, сочетающего в себе разнонаправленную взаимозакрывающую активность личности.

Шизоидная многомерность внутреннего Я Клим Самгина предполагает сочетание несочетаемого в масштабе его личности. С одной стороны, в герое проявляются черты человека, сочувствующего революционному движению начала XX века в России. С другой стороны, Клим, помогая марксистам, понимает все недостатки данной социально-экономической доктрины, её антигуманизм и даже абсурдность её реализации в рамках исторического процесса. Воплощение данного идеала не в силах дать герою ответы на вопросы, которые его так беспокоят: в чем смысл существования человека, если бытие кажется личности абсурдным, можно ли испытывать чувство одиночества в толпе, что даст будущим поколениям людей торжество данного идеала, если для построения общества подобного типа необходимо трагическое настоящее: «Что обещает социализм человеку моего типа? То же самое одиночество, и, вероятно, еще более резко ощущаемое “в пустыне – уву! – не безлюдной”» (Горький 1979, т.14: 12).

А.М. Горький мастерски описывает «расколотое Я» Самгина, сочетающее в одном теле личности революционера, ниспровергателя социальных систем и консерватора, желающего сохранить устоявшиеся столетиями общественные порядки.

Эта мучительная латентная борьба тезиса и антитезиса нашла проявления не только в тяжелых размышлениях Клим Самгина о сущности экзистенции, но и в многомерном голосе его подсознательного – в его снах. В одном из кошмарных сновидений Самгин вдруг обнаружил себя окруженным зеркально похожими на него двойниками, своеобразными субличностями, с которыми он ведет безуспешную борьбу. После уничтожения одного «двойника» на его месте появляются сразу несколько «метафизических Климов Самгиных». Нам представляется, что остатки нерасколотого Я персонажа посылают ему сигнал о необходимости обретения целостной картины мира, исключающей внутренний разлад и амбивалентную борьбу разнонаправленных волевых импульсов: «Система ложного Я – рассадник параноидальных страхов, поскольку легко проследить, что система ложного “я”, которая расширилась, чтобы включить в себя все, и отрицается “я” как простое зеркало чуждой реальности (объект, вещь, машина, робот, мертвое), может рассматриваться как инородное присутствие или личность, овладевшая индивидуумом» (Лоуэн 2011: 180). Обрести психическое здоровье в данном случае означает деструктировать всех своих

двойников, полностью подавить голос «инородного (чужого) Я» в своём сознании. Но способен ли на это Самгин?

С другой стороны, наличие шизоидной акцентуации личности Клим Самгина не делает его чем-либо «хуже» других персонажей книги. Более того, подобная психологическая специфика теоретически может быть его конкурентным преимуществом, особенностью личности, открывающей определённые возможности, недоступные для других. Сравним в контексте наших размышлений Клим Самгина и рабочего Кутузова, которого можно назвать личностью «параноидального типа», полностью поглощённого идеей, которую стоит немедленно реализовать в социальном макрокосме. По нашему мнению, в отличие от Клим, Кутузов лишён всякой рефлексии и внутренней психологической борьбы, его не беспокоят вопросы самопознания. Более того, излишняя рассудительность и стремление к размышлениям марксист рассматривает как слабость личности, её неспособность быть одержимой одной идеей, быть полностью поглощённым какой-либо деятельностью, беззаветно уверовать в неё.

Кутузов переживает великое метафизическое ослепление, параноидальный психоделический сон, сон надежды, уверенности, что мир является пластичным, благодаря железной воле фанатиков,двигающих гигантское колесо истории, несмотря на огромное количество жертв. Выпадая из абсурдного мира истории, Клим демонстрирует удивительную прозорливость, понимая, что любые начинания в иллюзорном мире современности оканчиваются крахом и крушением всех надежд. Но рабочий Кутузов пока не достиг подобной мудрости философа-скептика, именно по этой причине он экзистировал в многомерности своего ложного сознания. Клим же своим «метафизическим нигилизмом» ставит фундаментальный вопрос бытия личности: не будут ли напрасными все жертвы, на которые она идёт ради достижения осуществляемого идеала? Стоить ли тратить силы и энергию на то, что, с его точки зрения, лишено смысла? Клим выпал из реальности, предпочитая тактику тотального абсентеизма, Кутузов же полагает, что в мире можно что-либо изменить: «Абсолютная истина, не боящаяся ничего, даже отрицания всякой истины и самой идеи истины, – привилегия пассивности, привилегия тех, кто сознательно устранился из сферы действий и озабочен лишь одним – выпадением (мгновенным или постепенным) из действительности, которое не сопряжено ни с каким огорчением, ибо переход в нереальность, напротив, приносит несказанное блаженство. История для такого человека всего лишь дурной сон, с которым он смиряется, поскольку никто не может видеть сны по собственному произволению» (Чоран 2002: 138). В этом смысле шизоидная замкнутость Самгина с его мучительной интроспективной борьбой разнонаправленных волевых импульсов несколько превосходит ограниченную самоуверенность Кутузова, который тотально лишен «вируса сомнения». Кто принес меньше зла в этот мир? Бездеятельный абсентеист Клим Самгин, раздавленный обманутыми в очередной раз массами на площади как таракан, или матерый большевик периода военного коммунизма? Самгин утверждает, что идея социализма не стоит огромных жертв деструктивной динамики исторического

процесса начала XX века: «В наши дни баранов не приносят в жертву Богу, с них стригут шерсть или шьют из овчины полушубки. Но к старым идолам добавлен новый – рабочий класс, и вера в неизбежность человеческих жертвоприношений продолжает существовать» (Горький 1979, т. 14: 293) Самгиным прекрасно осознаны ложные идеологические пустоты данной идеологии.

А.М. Горький великолепно прорисовывает эпизод с посещением Климом Самгиным одной из крупных картинных галерей, находящейся в Западной Европе. В рамках выставки его пристальное внимание привлекла работа великого художника эпохи северного Возрождения Иеронима Босха. Герой был буквально шокирован и одновременно очарован работой мастера (Матевосян 2019). Более того, картина была как бы материализованным в художественных образах воплощением хаоса его внутреннего мира, символизировала всю опасность полной деструкции (раскола) внутреннего Я героя книги. Картина голландца была своеобразным предупреждением Климу, содержала в себе зашифрованные символы возможного будущего окончательного помрачения рассудка. Стоит заметить, что некоторые исследователи позиционировали экспрессивность образов картин И. Босха как эманацию шизофренического расстройства личности великого мастера: «Действительно, картины великого художника-психотика полны изображений, которые напоминают бредово-галлюцинаторные видения» (Руднев 2004: 173). А.М. Горький великолепно описывает психологическое впечатление, которое произвело полотно на Самгина: «Он встал, пошел дальше, взволнованно повторяя стихи, остановился пред темноватым квадратом, по которому в хаотическом беспорядке разбросаны были странные фигуры фантастически смешанных форм: человеческое соединялось с птичьим и звериным, треугольник, с лицом, вписанным в него, шел на двух ногах. Произвол художника разорвал, разъединил знакомое существующее на части и комически дерзко связал эти части в невозможное, уродливое. Самгин постоял пред картиной минуты три и вдруг почувствовал, что она внушает желание повторить работу художника, – снова разбить его фигуры на части и снова соединить их, но уже так, как захотел бы он, Самгин» (Горький 1979, т. 14: 11). Нам представляется, что Босх невольно отразил не только весь хаос внутреннего мира Клим, но и всю «адову суматоху» прореволюционного общества России, все неразрешимые противоречия жизни огромных масс населения, когда старые смыслы экзистенции агонизировали, а новые мировоззренческие парадигмы в общественном сознании еще не появились. Обратим наше внимание на пронзительную фразу А.М. Горького о том, что Клим желает «снова разбить его фигуры на части и снова соединить их, но уже так, как захотел бы он». Внутренний мир шизоида – это мир распавшегося на части мироздания, утратившего целостность (свой центр). Но это всегда аутентичный мир, несхожий с мировоззрением иной личности, ибо у каждого есть право на свою субъективную вселенную. Но у Клим, в отличие от подлинного революционера Кутузова, есть свой, хоть и перевернутый с ног на голову мир, каковым не обладает «твердокаменный большевик», мировоззрение которого прошло через авторитарное горнило «демократического централизма», не позволяющее аутентично

смотреть на мироздание. В этом смысле шизоид Самгин уникален, как и Иероним Босх, сюжеты картин которого невозможно повторить. Напротив, Кутузов – это «человек массы», поглощённый социальными процессами, его миропонимание имеет всеобщий стандартизированный характер личности определенного типа. Клим произносит: «Это были люди, ограниченные определенной системой фраз, их возглавлял Кутузов, и заранее можно было знать, что каждый из них скажет по тому или иному данному поводу. Конченные люди, не способные к дальнейшему росту. – Попы социалистической церкви» (Горький 1979, т. 14: 199).

Подвергнув анализу полифонический характер личности Клим Самгина в эсхатологическом романе А.М. Горького, необходимо поставить важнейший вопрос: существует ли в художественном мире писателя личность с «гомогенным Я», лишенная мучительной борьбы тезиса и антитезиса в ее внутреннем мире? Безусловно, в романах, повестях и пьесах А.М. Горького мы без труда найдем целое многоцветие образов «положительно прекрасного человека», личностей с «нерасколотым Я», цельным и непротиворечивым мировоззрением. По нашему мнению, подобный монологический характер можно позиционировать как антишизоидный, т. е. полностью открытый миру, лишенный «социального аутизма». Неоспоримо и то, что в романе «Жизнь Клим Самгина» есть подобные персонажи. Например, рабочий Степан Кутузов, предприниматель Тимофей Варапка и купчиха Марина Зотова.

По нашему мнению, именно в образе М. Зотовой наиболее рельефно была отражена личность с целостным взглядом на мир, преодолевающим самгинианскую «расщепленность сознания». Писатель великолепно сталкивает в амбивалентных диалогах эти два несводимых друг к другу типа характеров, в которых целостность личности противостоит «духовному расколу», психологическая норма противостоит «шизоидной полифонии» внутреннего мира Самгина. Во внутреннем мире Зотовой мы наблюдаем удивительную гармонию и отсутствие мучительной борьбы разнонаправленных волевых импульсов. Женщина открыта миру, лишена самгинианского «гамлетизма», способна экзистировать без страха и паталогического напряжения, когда окружающая действительность не воспринимается как нечто опасное для личности. Более того, в отличие от Клим Ивановича в «структурном Я» ее характера произошел «метафизический синтез» воли и разума, чего тотально лишен главный герой романа. Внутренний мир Зотовой предельно антишизофреничен, нормативен, лишен социального отчуждения и открыт миру. В книге А. Лоуэна высказывается мысль, согласно которой в шизоидной личности осуществляется раскол на волю и разум, тело и дух. По мнению психолога, шизоиды крайне часто безвольны, неспособны к каким-либо действиям, не желают менять окружающий их мир. Большинство интересов личностей подобного типа замкнуты на бесплодном анализе собственных психологических переживаний в микрокосме их «расколотого Я» («экзистенциальный гамлетизм»). Стоит заметить, что Марина упрекает Самгина именно в том, что он иссушил свою душу бесплодным, не приносящим никакой психологической радости «математическим анализом»: «– Вы, интеллигенты, в статистику

уверовали: счет, мера, вес! Это все равно, как поклоняться бесенятам, забыв о Сатане... – Кто же Сатана? – Разум, конечно. – Эх, Марина, до чего это старо, плоско, – сказал Самгин, вздыхая. – Исконно русское, народное. А вы – что придумали? Конституцию? Чем же и как поможет конституция смертной-то скуке твоей? – Я о смерти не думаю. – Скука и есть смерть. Потому и не думаешь, что перестал жить» (Горький 1979, т.13: 183). В отличие от Самгина, который утратил целостность своей личности, Зотова демонстрирует удивительную центрированность ее психологического Я, в котором гармонично сочетается разум и воля, действие и бездействие, наука и религия. По мнению А. Лоуэна, шизоид утрачивает связь не только с внешним миром, лик которого для человека подобной психологической организации ужасен, но и со своим телом, которое как бы начинает существовать отдельно от сознания личности: «Если картина представляет собой целостность, интегрированность и самообладание, мы понимаем, что человек “весь здесь”, а значит он владеет собой и эмоционально здоров. В теле шизоида эти качества отсутствуют. В этом случае мы имеем дело с брошенным, оставленным телом, которое в ужасе покинула душа» (Лоуэн, 2011: 65). Буквально дублирует слова психолога Зотова, когда говорит Самгину, отвечая на его вопрос о сущности духа: « – Что ты понимаешь под словом “дух”? – Этого не объяснить тому, в ком он еще не ожил, – сказала она, опустив веки. – А – оживет, так уж не потребуются объяснений» (Горький 1979, т.13: 165). Стоит заметить, что целостность внутреннего Я Зотовой крайне рельефно прослеживается в ее лице и фигуре (теле). Лицо героини не имеет «маскообразности шизоида», а напротив, очень живо реагирует на малейшие изменения, происходящие в мире. Фигура статна, величава и красива, в ней нет самгиновской скованности мышц («мышечного панциря напряжения» в терминологии А. Лоуэна). Сам А.М. Горький позиционирует Зотову как идеал целостной личности, которая лишена неразрешимых противоречий существования. Клим размышляет: «Он продумал за двадцать лет огромную полосу жизни, пережил множество разнообразных впечатлений, видел людей и прочитал книг, конечно, больше, чем она (Зотова – А.Л.); но он не достиг той уверенности суждений, того внутреннего равновесия, которыми, очевидно, обладает эта большая, сытая баба» (Там же: 165). Стоит заметить, что «расколотое Я» Самгина снова могло стать гомогенным благодаря его любви к Марине, когда возможно преодоление шизоидной изолированности от окружающего мира и личного эгоизма: «Смысл и достоинство любви как чувства состоит в том, что она заставляет нас действительно всем нашим существом признать за другим то безусловное центральное значение, которое, в силу эгоизма, мы ощущаем только в самих себе. Любовь важна не как одно из наших чувств, а как перенесение всего нашего жизненного интереса из себя в другое, как перестановка самого центра нашей личной жизни» (Соловьев 1988: 511). Но, к сожалению, Зотова не ответила взаимностью главному персонажу романа, а в конце книги была убита ее полусумасшедшим родственником – Безбедовым.

Сделаем предварительный вывод. На наш взгляд, А.М. Горького можно позиционировать как великого психоаналитика-экзистенциалиста отечественной литературы

первой трети XX века. Впечатляет столь глубокое проникновение его интеллектуально-художественного гения в самые потаенные и сокрытые уголки души человеческой. Пролетарский писатель благодаря своему дару творца уловил слабо вербализованные онтологические изменения личности и сумел их виртуозно проанализировать в своем романе-завещании. Буревестник экзистенциализма смог отразить одну из массовых болезней души человеческой в XX веке и, безусловно, первый из отечественных литераторов осуществил это наиболее талантливо.

А.М. Горький на страницах своего эсхатологического романа с точностью психолога-клинициста раскрыл специфику личности с шизоидной акцентуацией характера и детально описал ее признаки, проанализировав проблемы межличностного отчуждения, социального абсентеизма, проблему невыносимой тяжести выбора между деятельностью и самопознанием, проблему извечного диалога личности со своим «вторым Я». С другой стороны, благодаря поликонцептуальности персонажей романа А.М. Горьким одновременно раскрыта сущность «монологического характера», лишенного столь острых внутренних противоречий и неразрешимых вопросов бытия. Наиболее рельефно подобная особенность внутреннего мира личности запечатлена в образе купчихи Зотовой, которая является персонажем «антишизоидного типа»: она полностью открыта миру, экстровертирована, уверена в себе и лишена страха экзистенции, общительна, преодолела соблазн «социального абсентеизма», не утратила волевую активность.

Безусловно, глубина философско-психологических вопросов, поднимаемых А.М. Горьким в данном произведении, способна потрясти любого размышляющего читателя.

ЛИТЕРАТУРА

Гавриш Т.Р. Дом как фактор формирования личности (на материале романа М. Горького «Жизнь Клима Самгина» // Вестник Костромского государственного университета. 2018. Т. 24. № 1. С. 43-46.

Горький А.М. Собрание сочинений: в 16 т. Т. 11: Жизнь Клима Самгина: повесть: Ч. 1. М.: Правда, 1979.

Горький А.М. Собрание сочинений: в 16 т. Т. 12: Жизнь Клима Самгина (Сорок лет): повесть: Ч. 2. М.: Правда, 1979.

Горький А.М. Собрание сочинений: в 16 т. Т. 13: Жизнь Клима Самгина (Сорок лет): повесть. М.: Правда, 1979.

Горький А.М. Собрание сочинений: в 16 т. Т. 14: Жизнь Клима Самгина (Сорок лет): повесть / примеч. С.Я. Бродской и др. М.: Правда, 1979.

Ефремов В.С. Самоубийство в художественном мире Достоевского. СПб.: Диалект, 2008.

Ефремов В.С. Достоевский: психиатрия и литература. СПб.: Диалект, 2006.
Кемпинский А. Экзистенциальная психиатрия. М.: Совершенство, 1998.

Кузнецов О.Н., Лебедев В.И. Достоевский о тайнах психического здоровья. М.: Издательство российского открытого университета, 1994.

Летуновский В.В. В поисках настоящего: экзистенциальная терапия и экзистенциальный анализ. Ростов н/Д.: Феникс, 2014.

Лоуэн А. Предательство тела. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2011.

Лэнг Р.Д. Расколотое «Я». СПб.: Белый кролик, 1995.

Матевосян Е.Р. М. Горький и Иероним Босх (по материалам романа «Жизнь Клима Самгина» // Междисциплинарный синтез гуманитарных наук в эпоху социокультурных и исторических трансформаций: опыт «Русского пути». Сборник материалов Всероссийской конференции с международным участием. 2019. С. 501-513.

Руднев В.П. Полифоническое тело: реальность и шизофрения в культуре XX века. М.: Гнозис, 2010.

Руднев В.П. Тайна курочки рябы: безумие и успех в культуре. М.: Класс, 2004.

Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. М.: АСТ, 2020.

Соловьев В.С. Сочинения в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1988.

Чоран Э. После конца истории. Философская эссеистика. СПб.: Симпозиум, 2002.

REFERENCES

Gavrish, T.R. (2018). Dom kak faktor formirovaniya lichnosti (na materiale romana M. Gor'kogo «Zhizn' Klima Samgina»). *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*. T. 24. № 1. S. 43-46.

Gor'kij, A.M. (1979). *Sobranie sochinenij*: v 16 t. T. 11: Zhizn' Klima Samgina: povest': Ch. 1. M.: Pravda.

Gor'kij, A.M. (1979). *Sobranie sochinenij*: v 16 t. T. 12: Zhizn' Klima Samgina (Sorok let): povest': Ch. 2. M.: Pravda.

Gor'kij, A.M. (1979). *Sobranie sochinenij*: v 16 t. T. 13: Zhizn' Klima Samgina (Sorok let): povest'. M.: Pravda.

Gor'kij, A.M. (1979). *Sobranie sochinenij*: v 16 t. T. 14: Zhizn' Klima Samgina (Sorok let): povest' / primech. S.Ya. Brodskoj i dr. M.: Pravda.

Efremov, V.S. (2008). *Samoubijstvo v xudozhestvennom mire Dostoevskogo*. SPb.: Dialekt.

Efremov, V.S. (1998). *Dostoevskij: psixiatriya i literatura*. SPb.: Dialekt, 2006. Kempinskiy A. E'kzistencial'naya psixiatriya. M.: Sovershenstvo.

Kuznecov, O.N., & Lebedev, V.I. (1994). *Dostoevskij o tajnax psixicheskogo zdorov'ya*. M.: Izdatel'stvo rossijskogo otkry'togo universiteta.

Letunovskij, V.V. (2014). *V poiskax nastoyashhego: e'kzistencial'naya terapiya i e'kzistencial'ny'j analiz*. Rostov n/D.: Feniks.

Loue'n, A. (2011). *Predatel'stvo tela*. M.: Institut obshhegumanitarny'x issledovanij.

Le'ng, R.D. (1995). *Raskolotoe «Ya»*. SPb.: Bely'j krolik.

Matevosyan E.R. (2019). M. Gor'kij i Ieronim Bosx (po materialam romana «Zhizn' Klima Samgina». *Mezhdisciplinarnyj sintez gumanitarnyx nauk v e'poxu sociokul'turnyx i istoricheskix transformacij: opyt «Russkogo puti»*. Sbornik materialov Vserossijskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem. S. 501-513.

Rudnev V.P. (2010). *Polifonicheskoe telo: real'nost' i shizofreniya v kul'ture XX veka*. M.: Gnozis.

Rudnev V.P. (2004). *Tajna kurochki ryaby': bezumie i uspex v kul'ture*. M.: Klass.

Sartr Zh.-P. (2020). *By'tie i nichto*. M.: AST.

Solov'ev V.S. (1988). *Sochineniya v 2 t. T. 2*. M.: My'sl'.

Choran E. (2002). *Posle koncza istorii. Filosofskaya e'sseistika*. SPb.: Simpozium.

© Лесевичкий А.В., 2024